

Босс Лайоша Ирвина Джордж Викерс, по крайней мере одно сделал правильно. Два помощника, которых он предоставил Лайошу, выглядели гораздо более способными, чем те, которые ему давали в прошлый раз, когда начальство решило, что ему нужна поддержка.

Это делала Изабель Бардасано. Покойная глава службы безопасности Согласия, как правило, была очень умной. Но в тот раз полевые навыки тех тупиц, которых она передала Лайошу, были настолько плохи, что цели определяли их с первого взгляда. Справедливости ради к Бардасано, она спешила, и единственные, кто были у нее под рукой, были некоторые из сотрудников службы безопасности Мезы. Они не были частью даже самых внешних слоев Согласия и привыкли иметь дело с сессиз. У них также был злобный характер и чрезмерная уверенность, которые обычно заражали "силы безопасности", чья жестокость и насилие не контролировались ничем отдаленно похожим на "законные права" их жертв. Немногого из этого было достаточно, чтобы превратить даже некогда умных людей в высокомерных головорезов-бандитов, а спешно назначенная "поддержка" Лайоша была в их деле слишком долго.

Чтобы сделать все еще хуже - даже ужаснее - целями были самые смертоносные ублюдки, которых Лайош когда-либо встречал за всю свою карьеру. Особенно один из них. Этот маньяк застрелил всех трех головорезов за несколько секунд - нет, вероятно, меньше. Лайош плохо помнил, потому что был слишком испуган. Он был еще более испуган некоторое время спустя, когда две цели втащили его в туннель и обсуждали, убить его или нет. То, что они сделали бы это без колебаний, было совершенно очевидно. Лайош все еще иногда просыпался от ночных кошмаров, в которых ему снился холодный взгляд стрелка. Эти черные глаза были безжалостны, как у паука. Он никогда не забудет их.

На этот раз, казалось, у вышестоящих голова работала. Эти два агента были частью Согласия и имели признаки людей с опытом в поле против серьезных противников. Они были полицейским эквивалентом элитного спецназа, а не головорезами в форме. Лайош не сомневался, что они справятся, если дело дойдет до грубых вещей. Чего, он надеялся, не будет. Лайош не имел романтических представлений о насилии. Если все пойдет как планировалось, его сделки и отношения с преступным миром мезанских сесси будут такими же банальными и неинтересными, как покупка бакалеи.

Лайош кончил читать свои записи и отвернулся от монитора. "Я думаю, что лучше всего подойти к Юргену Дусеку в Новом Ростке или пойти другим путем и посмотреть, сможем ли мы заинтересовать кого-то в Нижнем Радомско."

Новый Росток находился в центре районов сесси в столице. Это был очень криминализированное место, и Дусек был признанным преступным боссом района. Он был тем, что древние гангстеры называли бы боссом боссов. Нижнее Радомско представляло другую картину. Оно также было расположено в центре областей, населенных сессиз и было, во всяком случае, не менее криминализированным, чем Новый Росток. Но его преступный мир был дезорганизован, находился во власти множества маленьких банд, ни одна из которых не признавала никакого хозяина.

"Я бы пошел в Новый Росток," - посоветовал Станкович. "Иметь дело с Дусеком будет намного проще, чем с этой толпой психов в Нижнем Радомско."

Мартинес что-то хрюкнул, что, казалось, выражало согласие.

Лайош склонялся к тому же, что и Станкович, но на данный момент решил сыграть адвоката дьявола. "Да, это правда, но возможны и последствия. Если что-то пойдет не так, иметь дело с Дусеком будет намного сложнее. Я никогда не имел дело с этим человеком, но я знаю о нем много. По общему мнению, под внешней гангстерской вежливостью скрывается кузен гунна Аттилы. Кстати, он самый злобный в семье."

Станкович усмехнулся. "Да, я слышал то же самое. Но..." - он слегка повернул голову, чтобы взглянуть на Лайоша искоса. "Не поймите неправильно, босс, но я не думаю, что у вас был большой опыт в Нижнем Радомско."

"Совсем не было," - согласился Лайош. "Личного то есть. Но я знаю об этом довольно много, только из..." Он махнул рукой. "Сообщений."

"Да, я так и думал. Дело в том, что нужно действительно провести там время, чтобы понять, что это такое. Мы с Фредди никогда там не были, но мы работали с агентом безопасности Мезы - одним из Табби - который провел там годы. Истории, которые он должен был рассказывать..." Он покачал головой. "Это жуткое место."

Лайош откинулся на спинку стула, его интерес возрос. "Продолжай," - сказал он.

"Это..." Станкович подбирал слова.

"Чертово безумие," - подсказал Мартинес.

Его партнер кивнул. "Что то вроде. Это просто хаос, босс. Ты думаешь, что заключил сделку, получил какую-то договоренность - это случилось с Табби три раза, я не шучу - и в следующую минуту какой-то мудака проталкивается вперед, и ты должен начать все с начала. Однажды он сказал нам, что должен был договариваться с четырьмя бандами. И это не было большой денежной сделкой."

"Просто поиск сбежавшей рабыни," - сказал Мартинес. "Премия мизерная. Но для этих жалких мудаков в Нижнем Радомско," - он потер большой палец и два пальца вместе, - "то, что мы с тобой называли бы карманными деньгами, стоит убийства."

"В конце концов он получил беглянку," - сказал Станкович. "Но не раньше, чем пять человек были убиты, одним из которых была сама сбежавшая. Одна банда перерезала ей горло, чтобы другая не получила награду."

"Чертово Нижнее Радомско," - сказал Мартинес.

Лайош рассмеялся и поднял руки в насмешливом жесте капитуляции. "Хорошо, хорошо, ребята. Я убежден. Тогда это будет Новый Росток."

Лайош был доволен. Не только принятым решением. Продвинутыми рабочими отношениями также. Он немного беспокоился об этом. Всю свою карьеру Лайош был одиноким волком. У него не было опыта работы с другими агентами, и он не был уверен, что у него есть навыки или способности для этого. Однако, судя по дружеским выражениям на лицах Станковича и Мартинеса, казалось, что есть.

* * *

"Что случилось, босс? Вы получили результаты от..."

Увидев людей, уже сидящих в кабинете Анастасии Черневской, Захария МакБрайд резко замолчал. Когда он получил вызов к Черневской - который пришел через личного курьера, что было необычно, но не неслыханно - он предположил, что она хочет обсудить один из проектов, над которыми они работают.

Впрочем, теперь он понял, что это не могло быть тем, для чего она его вызывала. Двое из четырех ученых в комнате не имели никакого отношения к работе, которую он выполнял, одну из них он вообще не знал. Единственное, почему Захария решил, что она ученый, была то, что женщина носила лабораторный халат.

Но глазурию на торте было присутствие Дженис Маринеску. Он не видел ее с тех пор, как она сообщила ему и Анастасии, что операция Гудини началась. У него появилось острое, сосущее чувство в животе. Эксперименты, которые он проводил в последнее время, были достаточно сложными, чтобы забыть обо всем постороннем. За время, прошедшее без каких-либо уведомлений или даже упоминаний о Гудини, ему удалось наполовину забыть об этой проблеме. И теперь вот она, снова вернулась в полную силу. Не могло быть другой причины присутствия Маринеску.

"Окей, мы все здесь," - сказала Маринеску. "Пятеро в этом зале - люди из этого научного проекта, отобранные для Гудини. Анастасия Черневская отвечает за весь центр. Вы трое," - она коротко взглянула на Захарию и двух ученых, которых он знал, - "директора проектов, а Гейл Вайс ... давайте просто скажем, что у нее есть особые навыки, которые мы не хотим терять."

"Как вы, наверное, уже догадались, Гудини только что перешел в активную фазу. Первая очередь уже покидает планету. К сожалению, мы эвакуируем намного больше людей в более короткий промежуток времени, чем мы предполагали. Это означает, что мы вынуждены использовать те способы вывоза, которые изначально не планировались. Многие из нас, в том числе все пятеро в этой комнате, будут эвакуированы кораблями Рабсилы."

Одна из директоров проектов, Стефка Хуарес, поморщилась. Это была непроизвольная реакция, и это выражение покинуло ее лицо в течение двух секунд, но Маринеску заметила это и пристально посмотрела на нее. "Есть проблема, миз Хуарес?"

Она не стала ждать ответа, прежде чем продолжить. "Вы не думаете, что слишком поздно сегодня обнаружить, что вы сомневаетесь в деятельности Рабсилы. Вы находитесь во внутренних слоях луковицы и были там с подросткового возраста. В течение многих лет вы знали - и если вы были несогласны, вы, конечно, держали это в тайне - что долгосрочные цели Согласия требовали развития генетического рабства. И все еще требуют - и будут требовать еще несколько поколений."

Она остановилась и посмотрела на всех холодным взглядом. "То же самое касается всех вас. Так что, если придется - а это так - быть вывезенным кораблями, перевозившими рабов, смиритесь с этим. Возможно, вы могли держать руки чистыми в своей научной работе, но некоторые другие - я, например - не пользовались этой роскошью. Простите меня, если у меня нет никакого сочувствия к вашему нынешнему тяжелому положению. Которое не так уж тяжело."

Она остановилась, чтобы посмотреть на каждого из них по очереди, на секунду или две.

"Кто-то хочет что-нибудь сказать?"

Все молчали. Черневская и Гейл Вайс покачали головами.

"Отлично". Маринеску держала руки сложенными на коленях. Теперь она расцепила их и указала на дверь. "Когда вы выйдете отсюда, каждого из вас будет сопровождать член Лиги Генетического Развития и Подъема в комнату для совещаний. Там вам дадут подробную информацию о вашем маршруте эвакуации. Все, что вам нужно знать, кроме точного времени отправления и конкретного корабля, на котором вы отправитесь. Мы пока этого не знаем. Прямо сейчас мы находимся только на полпути в планировании деталей эвакуации для второй очереди."

Третий директор целевой группы, Джозеф ван Флит, нахмурился. "А как мы узнаем..."

"...когда отправляться? Тот же член Лиги Подъема, которого вы встретите, когда уйдете отсюда, придет и уведомит вас. Они также будут сопровождать вас на протяжении всей эвакуации. На каждом этапе, пока вы не достигнете конечного пункта назначения."

Хуарес снова поморщилась. Захария почти не знал ее, так как их работа была в областях, довольно далеко отстоящих друг от друга. Однако он не мог не удивиться, как тот, кто был назначен директором проекта, мог иметь такие ужасные социальные навыки.

"Это действительно необходимо?" - спросила она.

Маринеску посмотрела на нее так, как хищник изучает самого слабого члена стада. После небольшой паузы она сказала: "Сам факт, что вы задаете этот вопрос, показывает, что это так."

Она перевела взгляд на остальных. "Мне нужно объяснить еще раз - сколько раз каждый из вас был проинформирован о Гудини? по крайней мере трижды - что весь смысл операции состоит в том, чтобы помешать нашим врагам узнать что-либо о Согласии. Я должна сказать, как можно меньше о Согласии и вообще ничего о внутренних слоях луковицы - или даже о существовании луковицы. Единственный способ обеспечить это - следовать двум основным правилам.

"Во-первых, никто за пределами группы, выбранной для Гудини, ничего не может знать о нем. Никто. Включая супругов, родителей, детей, братьев, сестер, кузенов, друзей - никто. Во-вторых, не может остаться никто, знающий о Гудини. Никто. Ни. Один. Человек."

Она снова сделала паузу, чтобы просмотреть все их лица. В поисках слабости, сомнения, нерешительности, колебаний ... всего, что могло бы вызвать ее инстинкт хищника. Ее собственный взгляд был безжалостен.

Захария затаил дыхание. Момент был ... опасным. Действительно, очень опасным.

"Если вы не совсем понимаете, что это значит," - продолжила она, - "позвольте мне объяснить вам это так ясно, как только смогу. Если вы расскажете о Гудини кому-то, кто не является его частью, этот человек будет уничтожен. А также любой человек, которому мог рассказать этот человек. Я подчеркиваю, мог рассказать. Мы перегнем палку в направлении предосторожности, будьте уверены в этом."

Она кивнула в сторону Анастасии. "Приведу гипотетический пример, если директор Черневская расскажет что-то своему мужу или любому из трех ее детей, все они будут уничтожены. Включая ее саму, конечно. Нарушение принципов Гудини будет считаться государственной изменой. Все меня поняли?"

Лицо Анастасии было больным, но она коротко кивнула. Так же поступили Захария и ван Флит. Вайс и Хуарес просто уставились в пол.

"Просто чтобы кончить с этим. "Рассказать кому-то" будет интерпретироваться как можно шире. Так что не пытайтесь - даже не играйте с этой возможностью в своих снах - сообщить своей семье и друзьям какими-то окольными или косвенными средствами, что вы уйдете. Не говорите им, что вы скоро отправитесь в долгое путешествие из-за своей работы. Не дарите им необычные подарки. Не приглашайте их на внезапные каникулы. Не делайте и не говорите абсолютно ничего необычного. И не сомневайтесь ни на секунду, что вы под наблюдением. Мы узнаем, если вы это сделаете."

Она снова сделала паузу. "Я повторяю: вы все понимаете меня, каждый пункт?"

На этот раз все кивнули.

"Хорошо. Теперь вторая проблема. Может оказаться - это маловероятно, но нельзя исключить - что в какой-то точке эвакуации, не по вашей вине, вы подвергнетесь риску. Если это произойдет, член ...э, Гаул, к черту околичности - позаботится о том, чтобы вы не попали в руки врага. Вам не нужно ничего делать. Все будет сделано за вас. Если вам понадобится, чтобы я это изложила подробно, я сделаю это."

Опять пауза. Сейчас Захария просто хотел закончить встречу. Он чувствовал, как будто его били по голове дубинкой. Вернее били его дух - или душу, если она у него была.

Однако Маринеску была не из тех, кто позволял чему-то ускользнуть. "Я повторяю. Кому-нибудь из вас нужно, чтобы я объяснила, что это значит?"

Все пятеро покачали головами.

"Хорошо. Директор Черневская, пойдете первой? За вами последуют другие с пятисекундными интервалами в алфавитном порядке. После Черневской идет Хуарес, затем МакБрайд и Ван Флит. Миз Вайс, вы идете последней."

Черневская была уже на ногах и направилась к двери. После небольшого колебания Хуарес встала и последовала за ней. После того, как директор прошла через дверь, Хуарес взглянула на часы. Через пять секунд она последовала за ней.

Захария сделал то же самое. Когда он прошел в дверь, Анастасии уже не было видно. Хуарес и ее сопровождающий были уже далеко в коридоре.

Один из трех ожидающих Гаулов шагнул вперед. "Директор проекта МакБрайд, я буду вашим сопровождающим. Пойдемте со мной, пожалуйста."

Захария узнал его, но он не мог вспомнить, был ли это Жиров или Арпино. Но человек уже шел по коридору, поэтому он не стал спрашивать.

Ему было все равно, в любом случае. Он чувствовал себя как человек, которого вели на эшафот. В таких обстоятельствах спросили бы вы у палача его имя? Это казалось пустой тратой времени и усилий. По сути, ваши отношения с палачом были мимолетными.